

618 год нашей эры, династия Суй, второй год правления под девизом Инин, десятый день третьего месяца.

Огромное пламя, подобно огненному дракону, поглощающему реки и горы, бушевало от восточной части города Цзянду, очищая мутный мир. Под крики и шум высокопоставленные чиновники и военачальники, объединившись с другими мятежниками, ворвались во дворец Цзянду, пробиваясь через узкие улочки и направляясь прямо к Чертогу Чэнсян, где отдыхал император династии Суй Ян Гуан.

Окружив чертог, мятежники услышали едва уловимый напев, низкий и хриплый голос, в котором сквозила едва заметная улыбка, будто насмешка или самоирония, сопровождаемый ритмичными ударами: «Дан, дан, дан...» Всё это казалось иллюзией в ночной тьме.

— Прошу вернуться, но не могу уйти, словно попал в весенний сон. Птицы зовут пить вино, а сливы смеются, убивая...

В Чертоге Чэнсян царила тишина.

Император Ян Гуан, с распущенными волосами, лежал на мягком ложе, опираясь ногами на подставку, держа в руке золотые палочки с драконьим узором, которыми он ритмично ударял по зелёной чаше с узором из жемчужин. Закрыв глаза, он наслаждался моментом, слегка приоткрывая тонкие губы и тихо напевая:

— Сливы... смеются, убивая...

Закончив петь, он швырнул палочки в сторону, взял медное зеркало и, слегка запрокинув голову, увидел в отражении своё прекрасное лицо, полное спокойствия и величия. По мере того как он поднимал голову, в его облике проявлялась надменная императорская мощь.

Длинные и сильные пальцы скользили по его шее, слегка очерчивая кадык, и, будто чем-то развлечённый, он тихо произнёс:

— Какая прекрасная шея, кто же её отсечёт?

Ян Гуан погрузился во тьму. Мятежники ворвались в Чертог Чэнсян, и император династии Суй покончил с собой, оставив великую империю Суй в огне...

«Красивый, умный, с раннего детства наделённый мудростью», в тринадцать лет он был возведён в ранг князя, назначен главнокомандующим армии Бинчжоу, лично участвовал в войне за объединение Севера и Юга, помогая своему отцу, императору Ян Цзяню, объединить земли. Ян Гуан никогда не думал, что его, достигшего таких великих подвигов, ждёт такой конец.

Скрип...

Ян Гуан слегка пошевелился, и тьма медленно отступила, как отлив, постепенно освобождая его из мрака.

Его тонкие губы слегка приоткрылись, кадык быстро двигался, и он внезапно выдохнул, освобождая сдавленную грудь, сделав несколько глубоких вдохов.

Резко открыв глаза, он обнаружил, что вокруг него не было ни шума дворца Цзянду, ни величественного Чертога Чэнсян. Медленно поворачивая голову, он увидел, что всё вокруг было ему совершенно незнакомо.

Странная кровать, странный стол, причудливая обстановка, и даже его одежда стала странной.

Ян Гуан слегка нахмурился, опустив голову, чтобы осмотреть себя. Он лежал на кровати, без верхней одежды, обнажённый, и, опустив взгляд, увидел на груди заметный шрам, явно старый, судя по его опыту, это был след от стрелы, причём рана была глубокой, а шрам — серьёзным.

Ян Гуан старался вспомнить: мятежники ворвались в Чертог Чэнсян, и он покончил с собой, но за все годы сражений он никогда не получал таких серьёзных ран на груди. Откуда же появился этот шрам?

— Ох... — от этих мыслей рана на груди вдруг начала сильно болеть.

Ян Гуан инстинктивно прижал руку к ране. Как может старая рана внезапно начать болеть? Но это была не только боль от раны — виски также начали пульсировать, и в голове начали мелькать странные образы, словно кадры из кино, которые он никак не мог ухватить, словно забывая что-то важное.

Но что именно он забыл, даже сам Ян Гуан не знал...

Ян Гуан сел на кровати, и с громким «дан!» он случайно опрокинул стоящую рядом пивную бутылку. В бутылке ещё оставалось немного вчерашнего пива, которое, покотившись по полу, издавало булькающий звук, а пена разлилась по всему полу. Бутылка едва не опрокинула напольный светильник.

На полу валялись бутылки с неприятным запахом, в углу лежали остатки еды на вынос, и даже снятая одежда была разбросана повсюду.

Напольный светильник мигал, то загораясь, то гасну, освещая мрачное лицо Ян Гуана, на котором отражались смешанные эмоции.

В комнате раздавались странные звуки. На беспорядочном столе компьютер, работавший всю ночь, продолжал воспроизводить увлекательные истории из неофициальной истории.

Искажённый голос из встроенных динамиков компьютера произнёс:

[Говорят, что этот тиран Ян Гуан был настоящим зверем, осмелившимся возжелать свою мать ещё при жизни отца, и даже не пощадил свою родную сестру...]

Ян Гуан не знал, что это за странный квадратный предмет, который может издавать звуки, но, услышав это, его лицо помрачнело, и он, слегка нахмурившись, резко схватил мигающий напольный светильник и с громким «пах!!!» швырнул его в сторону.

Ян Гуан, который в тринадцать лет уже командовал армией и участвовал в бесчисленных сражениях, был далёк от того образа, который описывали в неофициальных историях или в телевизионных драмах, где его изображали слабым мужчиной, проводящим время в компании женщин. Его сила была впечатляющей, и, бросив светильник, мышцы его руки напряглись, кабель с громким треском оборвался, и высокий напольный светильник с грохотом врезался в шумный компьютер. После громкого удара и компьютер, и светильник были уничтожены,

оставив на полу разбитые осколки стекла.

— Ах!!!

В этот момент из ванной раздался женский крик. Женщина с мокрыми волосами выбежала оттуда, завернувшись в полотенце, и, увидев разруху в спальне и мрачное лицо Ян Гуана, испуганно замерла.

— Гос... господин... — заикаясь, спросила она. — Продолжаем?

Ян Гуан открыл глаза, оказавшись в странном и незнакомом месте, с болью от старой раны на груди, головной болью и похмельем, и, естественно, его настроение было не из лучших. Будучи императором, он никогда не терпел неудобств, и холодно произнёс:

— Убирайся.

Женщина, испуганная, даже не успев вытереться, быстро накинула халат и выбежала, хлопнув дверью, бормоча:

— Псих!

Ян Гуан встал, босыми ногами раздвинув бутылки на полу, подошёл к зеркалу и увидел своё отражение. Это было его лицо, и даже тело было таким же.

Здоровая кожа цвета пшеницы, переливающаяся в утреннем свете, длинные волосы, свободно спадающие на плечи, не казались растрёпанными, а скорее слегка небрежными. Однако длинные волосы не смягчали его облик, а лишь подчёркивали его резкость и мрачность. Его обнажённое тело с рельефными мышцами было покрыто старыми шрамами, полученными в битвах, которые стали его наградами на всю жизнь. Только шрам на груди был чужим, и каждый раз, когда он пытался вспомнить его происхождение, его голова начинала раскалываться от боли.

Ян Гуан был императором, и, несмотря на то что в последующих историях его изображали как тирана, он действительно был тем, кто участвовал в объединении Севера и Юга, реформировал государственную систему, воевал с варварами, строил каналы и расширял границы.

Стоя в незнакомой обстановке, Ян Гуан быстро успокоился.

Я... снова жив...

Он опустил взгляд, поднял с пола рубашку, похожую на одежду, и накинул её на себя.

— Не бей!

— Ууу... мама, мама, не бей...

— Мама, я больше не буду, ууу... не бей... ууу...

Ян Гуан, страдая от головной боли и похмелья, услышал за дверью детский плач и, раздражённый, грубо распахнул дверь с громким стуком.

Он только что видел, как женщина выбежала, и, будучи с детства умным и наблюдательным, он с одного взгляда понял, как открыть дверь.

Выйдя наружу, он почувствовал сладкий запах. Мальчик лет четырёх-пяти сидел на полу в коридоре, прямо напротив его двери.

Мальчик с круглым, как булочка, лицом, весь в слезах, с красными глазами, слёзы непрерывно текли по его щекам, он всхлипывал, не в силах выговорить ни слова, икал и кашлял.

Мальчик сидел, обхватив голову руками, и, так как было лето, его рукава были короткими, на его тонких руках виднелись синяки и царапины, переплетаясь друг с другом. Странно, но кроме ран и синяков, на мальчике были следы сладкого торта, который был размазан по его лицу и одежде. Сладкий запах, который почувствовал Ян Гуан, исходил именно от этого.

<http://bllate.org/book/16206/1454558>